

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 73–80.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 73–80.

Научная статья
УДК 314.113
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_73

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ СФО И ДФО

Качусов Дмитрий Анатольевич

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Аннотация. Условием успешного развития страны является наличие налаженного взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом, что невозможно без осознания человеком с юных лет своей гражданской ответственности и значимости участия в политике каждого гражданина. Выявление потенциала политической субъектности молодёжи Сибири и Дальнего Востока позволяет нам понять степень вовлечённости в политическую жизнь страны, а также вектор и динамику её изменения. С этой целью было проведено фокус-групповое исследование с участием школьников старших классов, студентов вузов и ссузов из восьми регионов СФО и ДФО. Исследование позволило выявить как общее представление учащихся о роли молодёжи в российской политике, так и их отношение к различным видам политической активности: участию в выборах, митингах, общественно-политических объединениях и т. д. Несмотря на невысокие оценки уровня влияния российской молодёжи на политику и отход от публичной протестной деятельности, молодые люди не отказываются полностью от политического участия. Их политическая субъектность носит «скрытый» характер ввиду отсутствия возможностей для её успешной реализации в настоящее время. Представители молодёжи концентрируются на более безопасных и легальных формах политического участия, активно используя при этом возможности сети Интернет.

Ключевые слова: молодёжь, политический потенциал, политическая субъектность, политическое участие, политический процесс, политическая социализация, субъекты политики, политическая активность, выборы, митинги

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодёжи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

Для цитирования: Качусов Д. А. Потенциал политической субъектности учащейся молодёжи СФО и ДФО // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 73–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_73.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE POTENTIAL OF POLITICAL SUBJECTIVITY OF THE STUDENTS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT AND THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Dmitry A. Kachusov

Altai State University, Barnaul, Russia
dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Abstract. The condition for the successful development of the country is the existence of well-established interaction between state institutions and civil society. This is impossible without a person realizing from a young age civic responsibility and the importance of participation in politics of every citizen. Identifying the potential of political subjectivity of the youth of Siberia and the Far East allows us to understand the degree of involvement in the political life of the country, as well as the vector and dynamics of its change. To this end, a focus group research was conducted with the participation of high school students, university students and colleges from eight regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts. The study revealed both the overview of students about the role of youth in Russian politics, and their attitude to various types of political activity: participation in elections, rallies, socio-political associations, etc. Despite generally low estimates of the influence level of Russian youth on politics and a departure from public protest activities, young people do not completely abandon political participation. Their political subjectivity is "hidden" in nature due to the lack of opportunities for its successful implementation at the present time. Youth representatives concentrate on safer and more legal forms of political participation, while actively using the possibilities of the Internet.

Keywords: youth, political potential, political subjectivity, political participation, political process, political socialization, political subjects, political activity, elections, rallies

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the RFBR as part of a scientific project № 21-011-31651 "Factors and channels of formation of political consciousness and motivation for political participation among the students in the border regions of Siberia and the Far East".

For citation: Kachusov, D. A. The potential of political subjectivity of the students of the Siberian Federal District and the Far Eastern Federal District. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 73–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_73.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Активное и осознанное участие граждан в политике – условие стабильного развития государства и общества, обеспечивающее эффективное решение встающих перед ними задач и реализацию гражданских прав и свобод. Однако статус субъекта политики индивид не получает от рождения, он может быть приобретён в процессе его взросления и социализации. Необходимо помнить, что основания для формирования гражданской позиции, ответственного отношения к своим правам и обязанностям, понимания значимости гражданского участия закладываются у человека в молодости, в ходе его политической социализации. В период 14–25 лет учащейся молодёжью «в ходе обучения в старших классах школы, в колледжах, затем в высших учебных заведениях, в начинающейся трудовой деятельности приобретаются политические знания... и вырабатываются навыки политического участия» [13, с. 19].

В этом возрасте происходит углубление политической социализации, усвоение политических норм, ценностей, поведенческих установок, формируется политическая самоидентификация, появляются легальные возможности для самостоятельного политического участия. В то же время необходимо помнить, что молодёжь не только служит объектом политической социализации, но и сама является субъектом социально-политических процессов, с чьим влиянием приходится считаться другим политическим акторам: «Молодёжь одновременно является и субъектом, и объектом социализации, осваивая наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества с целью их последующего воспроизводства» [9, с. 107]. Ввиду своих социально-демографических и психологических характеристик молодёжь составляет «стратегический ресурс нации», выступая движущей силой социальных перемещений и экономической мобильности, являясь проводниками социально-экономического и технического прогресса, передовых общественных идей [5, с. 70]. Всё это указывает на критическую важность процесса становления субъектности молодого человека для его дальнейшей жизни в социуме.

Исследования становления политической субъектности молодёжи, её потенциала политического участия занимают важное место в современных исследованиях общественно-политических процессов. В частности, И. Н. Гомеров даёт определение политической субъектности через перечень характеристик, свойственных политическим субъектам: нахождение «внутри поля политики», осознание своей роли в политике и своего места в ней, отделение себя от остальных участников политического процесса, определённый уровень институциональной самоорганизации, осуществление политической активности при условии, что они, хотя бы частично, являются её источниками [1, с. 59–60].

М. В. Подхомутникова указывает, что политическая субъектность есть «набор определённых качеств, свойств, черт характера индивида, которые в своей совокупности определяют его способность к политической самоидентификации, анализу и целеполаганию, а также волю к активной политике» [11, с. 268]. Это сложный конструкт, который складывается из целого набора элементов: идентичности, внутригрупповой солидарности, разделения ответственности, умения выбирать соответствующие ситуации правила для регулирования социального действия и др.

Исследователи Т. Н. Самсонова и В. Е. Зиненко указывают, что формирование политической субъектности происходит в процессе политической социализации индивида, под влиянием факторов окружающей социальной среды, получаемого политического опыта и с учётом особенностей молодого человека. Они определяют политическую субъектность как уровень развития личности индивида, определяемый его способностью к реализации себя в сфере политики, к активной и целенаправленной социально-политической деятельности с учётом собственных потребностей и интересов. Необходимо отметить, что субъектность может быть индивидуальной (персональной) и групповой (коллективной), когда личные интересы объединяются с общегрупповыми [2, с. 18].

В. В. Маленков говорит о «гражданско-политической субъектности», определяя её как совокупность представлений, ориентаций, когнитивных моделей гражданско-политической реальности, являющихся основой для позиционирования гражданина в политическом пространстве и деятельностных проявлений его гражданского потенциала. Это сложное и многосоставное понятие, в котором выделяют когнитивный, ценностный, идентификационный и деятельностный элементы [4, с. 169].

Нельзя не отметить, что процессы трансформации общественных отношений, их цифровизация и глобализация также оказывают влияние на процессы социализации и становления политической субъектности. Всё большее значение в процессе усвоения и принятия социальных ролей играют сеть Интернет и межличностные связи через онлайн, новые агенты социализации – блогеры и неформальные объ-

единения по интересам. Указанные факторы меняют направленность трансляции политических норм и ценностей – всё большее значение приобретают процессы передачи знаний и опыта не от старших к младшим, а между людьми одной возрастной группы [2, с. 19]. Таким образом, мы можем говорить о воплощении в жизнь модели горизонтальной социализации, представляемой как выбор из широкого круга равнозначных, конкурирующих между собой картин мира и образцов поведения [7, с. 95]. Даже в случае включения в политическую жизнь политическая субъектность молодого гражданина проявляется в «индивидуалистической форме», основанной на саморефлексии и личном опыте [14, р. 424].

Также важно отметить, что процесс политического самоопределения современной молодёжи происходил в радикально отличающихся от прежних поколений условиях: «политическое сознание молодёжи формировалось в условиях периода постреформирования, сопровождающегося переходом от мобилизационных форм политического участия к индивидуальному выбору» [3, с. 279]. В связи с этим, заметнее и глубже проявляется межпоколенческий разрыв в вопросах политических ценностей и норм, политического поведения и в целом взаимоотношений индивида, общества и государства.

Процесс включения российской молодёжи в политику определяется обширным набором факторов объективного и субъективного характера, влияющих на возможности участия индивида в политической жизни. К первой группе факторов можно отнести неустойчивое положение молодёжи на рынке труда, неравный доступ к получению образования, отсутствие собственного политического опыта. К группе субъективных факторов относятся отсутствие личной заинтересованности в политике, рост индивидуалистических ориентаций в молодёжной среде, низкий уровень доверия к властным институтам [6, с. 102].

Исследователи отмечают, что в большинстве своём российская молодёжь погружена в собственные проблемы и вопросы, ей не свойственно участие в общественных процессах, в том числе и в политике: «Неэкономические, а значит, и политические категории нередко рассматриваются как помехи на пути к обогащению, решению личных проблем» [2, с. 18]. В связи с этим большей части молодых людей, по словам исследователя Т. Н. Самсоновой, «присуща политическая культура "наблюдателей"». В условиях рыночной экономики заметно усилилась ориентированность молодых россиян на ценности индивидуализма, достижений, самостоятельности и конкурентоспособности» [13, с. 19].

Тем не менее, аполитичность современной молодёжи не носит всеохватного характера, её представители в той или иной форме интересуются информацией о политике на регулярной или ситуативной основе и нередко осведомлены о наиболее значимых и заметных событиях политической сферы не хуже, а то и лучше людей старшего возраста. Этому немало способствует развитие новых средств коммуникации, доступность интернета, учитывая то, что многие черпают информацию из сети, становится очевидным, что современная молодёжь «в курсе» того, что происходит как в стране, так и за её пределами [11, с. 269].

Свойственны российскому молодому поколению и различия со старшим поколением относительно взгляда на политику и способности гражданина влиять на нее. Исследователи Левада-центра указывали, что «у молодых россиян из больших и средних городов заметнее выражены демократические настроения (разница свыше 10 %). Им свойственна более высокая оценка собственных возможностей влиять на ситуацию в стране, проявляя общественную и гражданскую активность» [12]. Однако необходимо признать, что в последние годы в России проявление активности протестного характера нередко было сопряжено с трудностями и приводило к неблагоприятным последствиям, что могло отрицательно сказаться на желании граждан проявлять свою политическую субъектность.

Основная часть

2020–2021 гг. в России выдались очень насыщенными громкими политическими событиями. Массовые протестные акции общенационального, регионального и местного уровней, масштабная кампания по изменению Конституции РФ, электоральный цикл 2021 г. и другие события в значительной мере активизировали публичную политику в стране и предоставили гражданам проявить свою политическую позицию. Тем не менее, итогом всех событий стала консервация сложившегося политического режима и устранение с политического поля большей части т. н. «несистемной оппозиции». В связи с этим возникает закономерный вопрос: отразился ли политический процесс последних двух лет на политических установках молодёжи, рассматривает ли она себя как субъект российской политики, готова ли участвовать в политическом процессе дальше?

Для того чтобы дать ответ на данные вопросы, были проанализированы результаты 14 фокус-групп с представителями учащейся молодёжи. Они проводились с учащимися 10–11 классов школ, студентами ссузов и вузов в 8 приграничных субъектах СФО и ДФО: Алтайском (далее АК), Забайкальском (ЗК), Приморском (ПК) и Хабаровском краях (ХК), Омской области (ОО), республиках Алтай, (РА) Тыва (РТ), Бурятия (РБ). Временные рамки исследования – октябрь – ноябрь 2021 г. В каждой фокус-группе принимали участие представители только одного региона и одного сегмента учащейся молодёжи.

Прежде всего необходимо отметить, что молодые люди, участвующие в исследовании, в основном довольно сдержанно оценивают текущий уровень политической субъектности российской молодёжи. Часть респондентов однозначно отрицательно отвечает на вопрос о возможности своей возрастной группы влиять на политику, указывая, что она не интересуется политикой, не имеет необходимого опыта и знаний, живет частными (личными) интересами. В ответах участников фигурировали формулировки:

«В основном молодёжь стремится туда, где выгодно... Только для себя всё делают, не для народа» (ж., ссуз, РТ), «У неё (молодёжи) мало знаний, мало опыта» (м., школа, АК), «Нет особых инструментов, чтобы молодёжь могла влиять на политику» (ж., вуз, ПК).

В то же время власть сама не заинтересована во взаимодействии, более того, молодёжь рассматривается как объект воздействия государственной политики: «Молодёжь на данный момент не может особо влиять на политику, т. к. у власти стоит старое поколение» (м., школа, РА), «Молодёжь может влиять, но из-за того, что они понимают, что их позиция не будет учитываться, они ничего не делают» (ж., вуз, ОО), «Они (власти) ублажают молодёжь, говорят: "сидите по своим нормам"» (м., школа, ПК).

Другая часть опрошенных характеризует влияние молодёжи на власть как незначительное или неполное, которое может быть реализовано только на местном уровне или при определённых условиях (например, наличия организации или объединения, серьёзной заинтересованности участников): «Если молодёжь будет собираться в какие-то организации, которые будут зарегистрированы, и проявлять свою политическую активность, то, скорее всего, может повлиять» (ж., школа, ЗК), «Может повлиять на некоторые вопросы, незначительные в рамках города или региона» (ж., школа, РА).

Также ряд участников указывает на большой потенциал молодёжи как полноправного актора политических процессов в России в силу объективных причин – большой численности данной социальной группы, лучшего понимания новых социально-политических реалий и естественной смены поколений в политической сфере. «Все мы не вечные, нынешнее правительство когда-нибудь уйдёт, кто-то должен будет прийти (им на смену)» (ж., ссуз, ХК), «Когда пойдёт сменяемость власти, то активная молодёжь к тому моменту вырастет и сможет занять какие-то должности» (м., школа, АК).

Вместе с тем, высказывалась точка зрения, что молодые люди в настоящее время способны активно влиять на российскую политику. Это объясняется присутствием значительного числа молодёжных объединений и организаций, наличием государственной молодёжной политики, высокой активностью данной социальной группы: «Да, в полной мере влияет и может повлиять на политику, проявляя свою активность и гражданскую позицию» (м., ссуз, РА), «Молодёжь может влиять, точнее, политика подстраивается под неё, молодёжь, как самый важный общественный слой, максимально важен государству» (м., вуз, ПК), «Студенты в истории всегда были большой силой. В настоящий момент тоже влияют – есть организации, в которых состоит молодёжь» (ж., школа, РБ).

Это может подтвердить сохранение значимой тенденции во взаимоотношениях молодёжи и государства: молодые люди «с одной стороны, признают значимость демократических институтов и процедур для нормального функционирования общества, а с другой – соглашались с тем, что Россия ещё далека от демократии, поскольку граждане страны практически не имеют возможности влиять на принятие и реализацию важных государственных решений. Отсюда стремление значительной части молодёжи дистанцироваться от государства, свести к минимуму общение с ним...» [10, с. 59–60].

Чтобы более полно и разносторонне раскрыть потенциал учащейся молодёжи как субъекта политики в исследуемых регионах, можно выделить ряд индикаторов, отношение к которым позволяет нам говорить об уровне политической субъектности молодых людей. К ним относятся готовность участвовать в выборах в качестве избирателя, выдвигаться в качестве кандидата, готовность участвовать в массовых протестных акциях, готовность создать или возглавить молодёжную политическую организацию, а также иные способы проявления своей гражданской и политической позиций.

Наиболее распространённой и приемлемой для молодых людей формой выражения своей политической позиции выступает участие в выборах, что совпадает и с мировым опытом исследования политической активности молодёжи [16], и с российской тенденцией на возрастание политической активности молодёжи в периоды выборов различного уровня [8, с. 41].

Большинство участников фокус-групп настроены на участие в выборах независимо от того, как они оценивают объективность и действенность данной процедуры. Выборы они характеризуют как законный, доступный и незатратный способ влиять на политику, высказать своё мнение по политическим вопросам: «Мой выбор может повлиять на дальнейшую судьбу как РФ в целом, так и отдельного региона. От нашего выбора многое зависит, возможно, произойдёт смена той же власти» (ж., ссуз, АК), «Выборы более эффективны, чем митинги, это маленький шаг к цели» (м., школа, ХК), «Сходил, во-первых, это мой гражданский долг, во-вторых, чтобы мое мнение было учтено» (м., вуз, РБ).

В то же время некоторые респонденты подчёркивают, что голосование не должно быть просто формальной обязанностью, а являться для избирателя ответственной задачей: «Они будут по своему править страной, и надо с умом выбирать партию, власть, которая будет руководить нами» (ж., ссуз, РТ). Те же, кто указывает, что выборы фальсифицируются или не отражают реальный выбор общества, также готовы идти голосовать: «Если мы не пойдём, то за нас проголосуют, наши бюллетени чистыми не останутся» (ж., ссуз, ХК), «Интересно посмотреть, хотя понимаю, что мой голос особо ни на что не повлияет» (ж., школа, АК), «У меня есть своё мнение и хочу, чтобы его учитывали, несмотря на то, что там всё решено» (ж., вуз, ЗК).

Тем не менее, часть опрошенных не намерены участвовать в выборах, так как считают их неэффективными, а результаты – сфальсифицированными. «Не буду участвовать, неинтересно, и от моего голоса ничего не зависит» (ж., школа, ХК), «Сколько лет уже голосуют, сколько лет пытаются что-то сде-

лать – всем всё равно, которые сидят там, только деньги себе загребают» (м., ссуз, РА), «Это не мы их выбираем на выборах, их уже кто-то выбрал, чтобы за них голосовать» (м., вуз, ОО) – высказались молодые люди по этому вопросу.

В то же время самостоятельно выдвигаться в качестве кандидатов участники фокус-групп в большинстве своём не готовы. Свою позицию они обосновывают отсутствием определённых качеств, знаний и опыта, большой ответственностью: «Не разбираюсь в этой сфере, как я могу принимать в ней участие?» (ж., вуз, РБ), «Далека от этой деятельности (не во всём разбираюсь, а для избрания нужны знания)» (ж., шк., ЗК), «Нужно обладать лидерскими качествами – у меня их нет» (ж., школа, Р. Алт.), «Будет момент, когда ранее сказанные мною слова не получатся исполнить» (ж., ссуз, ХК). Также отказ обосновывался недоверием к институту выборов в стране, недостаточно весомой ролью в политике депутатов и других выборных лиц. Кроме того, некоторые прямо говорят об опасности выдвигаться в качестве кандидата: «Депутаты не влияют на положение в стране» (м., школа, АК), «Это опасно и бесполезно» (м., ссуз, АК).

Те же из них, кто согласен баллотироваться на выборах, говорят о полезности этого опыта для себя лично, а также о возможности принести пользу обществу: «Попробовать свои силы – как поучаствовать в олимпиаде» (м., школа, ПК), «Для получения опыта сначала бы поучаствовал в муниципальных выборах, начиная с села, с деревни» (м., вуз, РБ). Потенциальные кандидаты предпочли бы начать с низового, местного уровня выборов и выдвигаться, как правило, не самостоятельно, а от какой-либо партии: «Начал бы с муниципальных выборов для получения опыта. Пошёл бы от партии, так проще» (м., вуз, ЗК), «Самовыдвиженцем – нет, слишком много ресурсов нужно» (м., школа, АК).

Меньшая часть из участвовавших в исследовании молодых людей согласна создать или возглавить политическую организацию или движение. Большая часть из них ссылается на личную незаинтересованность, отсутствие достаточного опыта, управленческих навыков, высокую ответственность, необходимость определённой «базы». В качестве примера можно привести следующие высказывания: «У меня нет ораторских способностей, я очень мало знакома с политикой, знаний не хватает» (ж., вуз, РТ), «Я бы не смог создать сам, на пустом месте, но если бы была какая-то база, то да» (м., вуз, ХК), «Это серьёзная деятельность. Нужно уметь работать с людьми» (ж., школа, ЗК), «Скорее нет, мне не очень это интересно, да и опыта нет» (м., школа, РА).

Те же из участников фокус-групп, которые положительно высказались о возможности возглавить молодёжную общественную организацию, расценивают это как полезный жизненный опыт, некоторые из них уже участвовали в деятельности различных общественных объединений (студенческие отряды, волонтерские движения): «У меня достаточно опыта в общественной деятельности и хотел бы попробовать себя в роли руководителя» (м., вуз, РБ), «Да, почему бы и нет, я являюсь командиром (студенческого отряда) и мне по силам эта должность» (ж., вуз, ХК). Некоторые из ребят не готовы возглавить организацию, но согласны принять участие в её деятельности: «Если было время, просто участником, организатором нет – слишком большая ответственность» (ж., школа, АК), «Пресс-секретарем поработала бы в этой организации» (ж., вуз, РБ).

Малая часть респондентов готова участвовать в протестной активности: выходить на митинги, пикеты, публичные акции протеста. События 2020–2021 гг. (массовые шествия в Хабаровске в поддержку губернатора края С. И. Фургала, митинги в поддержку А. А. Навального), а точнее – отсутствие результатов этих действий, способствовали утверждению среди молодёжи мнения о неэффективности таких видов политической деятельности. В настоящее время подавляющее большинство молодых людей не готовы выходить на протестные публичные мероприятия, т. к. не видят в этом смысла: «Потому что власти в принципе всё равно, что там скажет небольшая толпа. Это было доказано неоднократно» (м., вуз, Омск), «Всё бесполезно, никто не обратит внимание, просто разгонят и всё» (м., школа, ПК), «Неэффективны, большинство людей против митингов, а те, кто выходит, их немного» (м., школа, АК), «Можно не добиться чего хочешь, а обратного закручивания гаек» (м., вуз, ПК).

Прибегнуть к подобным действиям интервьюируемые готовы только в самых крайних обстоятельствах политического или социального характера. Они описывают следующие ситуации: «Если бы я пошла на митинг, это были бы очень веские причины – экономический кризис, безработица, дефицит товаров» (ж., школа, ХК), «Я бы вышел на митинг, если бы не только мне, но и всем вокруг не на что было выживать» (м., вуз, Омск); или невозможность покинуть страну при ухудшении обстановки: «Зачем менять страну, если можно уехать в другую. Выйду, только если изменения в стране не позволят мне из неё выехать» (м., школа, РА). Часть молодых людей готова к активным действиям лишь в том случае, если будут задеты их личные интересы: «Я бы вышла, если бы это задело мои чувства, мою семью» (ж., школа, ПК), «Если будут затронуты мои личные права (ж., ссуз, АК).

Некоторые участники фокус-групп указывали конкретные причины местной проблемной повестки, которые побудили бы их выйти на протест: «Если будет затронута экологическая проблематика, например экология Байкала» (м., вуз, РБ), «Главное, чтобы они касались каких-либо проблем города, например снос Речного вокзала либо повышение цен на проезд» (м., школа, АК).

В то же время массовые репрессии против организаторов и участников протеста и кампания в СМИ по их дискредитации и маргинализации сформировали у молодых людей чувство опасности и страха

по отношению к массовым протестным акциям. У некоторых данное чувство носит личный характер – угроза применения физической силы, задержания со стороны правоохранительных органов, санкций с места учебы или работы: «Я сделала вывод для себя, что страшно, и в следующий раз, наверное, не пойду» (ж., ссуз, ХК), «Хотелось бы, но т. к. я сейчас учусь, то есть что потерять, боюсь за свой социальный статус» (ж., вуз, РБ), «Я побоялся там побывать, вот у нас и человека увезли» (м., вуз, ХК), «Я не буду участвовать – это опасно для здоровья» (ж., школа, Р. Алт).

Многие указывают на возможность отрицательных последствий не только для себя лично, но и для ближайшего окружения: родителей, родственников, близких друзей, что ещё более удерживает их от участия в протестной активности. «Даже если всё будет хорошо, то это выйдет не очень хорошо для меня или родителей, т. к. они отвечают за меня» (ж., школа, ПК), «Боюсь, что сделают вред мне и моим родным» (ж., ссуз, АК.), «Чтобы выйти на митинг, я должна быть уверена, что последствия не будут касаться моей семьи» (ж., вуз, Омск).

Тем не менее, часть молодёжи, пусть и меньшая, готова присоединиться к протестной активности: «Увидеть своими глазами, как это происходит, не где-то в интернете, а наяву, что делает народ» (ж., ссуз, РА). Данные молодые люди рассматривают митинги как потенциальную возможность для себя влиять на политику, пусть и с соблюдением некоторых условий, например их массовости в масштабах всей страны: «Митинги, если будет массово, несколько регионов, тогда будет заметно» (м., ссуз, АК.), «Эффективно, если массово собрать людей – Правительство задумается, что оно делает что-то не так» (ж., школа, РА). Также некоторые высказывались о необходимости лидера, который мог бы возглавить протест: «Конкретная программа и сильный лидер, хотя такого лидера сегодня нет. Он должен быть смелый и очень харизматичный» (м., школа, АК); или чётко сформулированных требований: «Смотря какая программа была бы, например более ориентированная на какие-то изменения и конкретная, которые будут после смены власти» (м., школа, АК.).

На данный момент молодёжь готова реализовать свою политическую субъектность через более «безопасные» виды политической активности, которые можно охарактеризовать скорее как гражданские и социальные, нежели политические, нередко реализуемые в виртуальном пространстве и воспринимаемые как часть повседневной личной жизни [15]. В этом направлении молодые люди в основном участвуют в подписании петиций и подаче обращений в органы власти: «Поддержка политиков и их проектов, петиции официальные, обращение в официальные организации» (м., ссуз, РТ), «Мы обращались в Министерство образования краевого уровня, мы писали обращение (более 100 человек) и нам помогли, решили проблему» (ж., школа, ПК), «Обычный человек такими маленькими шагами может дойти до законодательного уровня. Конечно, в нашей стране такое навряд ли будет, но шанс есть» (о петициях, м., вуз, ОО).

Также, перечисляя все возможные для молодёжи способы политического участия, кроме традиционных форм (участие в выборах, митингах, деятельности партий и общественных организаций), большинство респондентов отметили значимость для себя возможности распространять информацию о политике и высказывать своё мнение в интернете и социальных сетях: «Высказывать свою позицию через интернет становится проще, можно найти людей, которые тебя поддерживают» (ж., школа, ЗК), «Через соцсети, когда организованно собираются и обсуждают, это может воздействовать на власть» (ж., вуз, РА).

Однако их вовлечённость в политику продолжает оставаться в рамках «виртуального мира», так как они не спешат воспользоваться ещё оставшимися возможностями для политической активности, как ввиду собственных индивидуалистских установок, так и вследствие сужения возможностей для безопасного отстаивания своей гражданско-политической активности. «Оставаясь в пределах виртуальной реальности, многие молодые люди нередко не испытывают желания и в целом не готовы к непосредственному политическому участию и проявлению гражданской активности» [13, с. 22].

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что представители молодёжи рассматривают себя как потенциальных субъектов политики и готовы участвовать в ней, несмотря на значительные ограничения как объективного (отсутствие опыта, знаний, собственных ресурсов), так и субъективного характера (уменьшение легальных способов политического участия, борьба с непопулярной политической активностью). Конечно, по итогам 2020–2021 гг. протестные публичные формы действия оказались практически вытесненными из сознания молодёжи как приемлемые, и её активность теперь сосредоточена на легальных и безопасных видах деятельности, в том числе в онлайн-выборы, петиции, обсуждения проблем в соцсетях и т. д. Эти формы соответствуют установкам на личное и «быстрое» участие, позволяют внести посильный вклад в решение проблемы, которую гражданин считает актуальной. В то же время по отношению к государственным и вообще любым официальным институтам молодые люди настроены довольно скептически, поэтому менее охотно готовы включаться в политическую систему на долговременной основе, в качестве кандидата или главы молодёжной политической организации. В связи с этим правильнее говорить не об аполитичности российской учащейся молодёжи, а о её переходе к цифровым формам политической инклюзии, что не снимает с повестки проблему возвращения молодёжи в офлайн-политику под влиянием ситуативных факторов.

Список литературы

1. Гомеров, И. Н. Субъект как смысловое ядро политической субъектности / И. Н. Гомеров // Развитие территорий. – 2015. – № 3. – С. 51–62.
2. Зиненко, В. Е. Формирование политической субъектности молодёжи в современной России: критерии, условия, проблемы / В. Е. Зиненко, Т. Н. Самсонова // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 3 (92). – С. 17–24. – DOI: 10.24158/pep.2021.3.2.
3. Комарова, М. С. Участие молодёжи в политическом процессе российского общества: поиск приоритетов / М. С. Комарова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2016. – № 2. – С. 279–282.
4. Маленков, В. В. Гражданско-политическая субъектность: концептуальный и эмпирический анализ / В. В. Маленков // Социология. – 2019. – № 5. – С. 168–178.
5. Малик, Е. Н. Становление политической субъектности российской молодёжи в условиях современности / Е. Н. Малик, А. В. Мельников // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 70–75.
6. Малик, Е. Н. Интеграция российской молодёжи в политический процесс: поиск условий и факторов эффективности / Е. Н. Малик // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 100–104. – DOI: 10.12737/14301.
7. Малькевич, А. А. Зарубежные концепции политической социализации / А. А. Малькевич // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 2 (19). – С. 94–97.
8. Маркова, О. А. Современные тенденции политического участия молодёжи / О. А. Маркова // Власть. – 2014. – № 12. – С. 39–42.
9. Мельников, А. В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодёжи в процессе политической социализации / А. В. Мельников // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 105–109. – DOI: 10.12737/14302.
10. Петухов, В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие / В. В. Петухов // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 56–62.
11. Подхомутникова, М. В. Политическая субъектность Российской молодёжи / М. В. Подхомутникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 267–269.
12. Протестный потенциал российской молодёжи. Левада-Центр. – URL: <https://www.levada.ru/2015/01/21/protestnyj-potentsial-rossijskoy-molodezhi/> (дата обращения: 18.01.2022).
13. Самсонова, Т. Н. О становлении политической субъектности российской молодёжи в процессе политической социализации / Т. Н. Самсонова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 7 (51). – С. 18–24. – DOI: 10.24158/spp.2018.7.2.
14. Fu, J. Angry youth or realistic idealist? The formation of subjectivity in online political participation of young adults in urban China / J. Fu // Journal of Sociology. – 2021. – № 2 (57). – P. 412–428. – DOI: 10.1177/1440783320925143.
15. Genova C. Youth activism in political squats between centri sociali and case occupate / Genova C. // Societies. – 2018. – № 8 (3). – P. 77–101. – DOI: 10.3390/soc8030077.
16. Kimmelmeier, M. Youth perceptions of voting participation in the midst of Catalonia's active struggle for independence / M. Kimmelmeier, A. E. Wilson-Daily // Youth & Society. – 2021. – № 53 (1). – P. 76–103. – DOI: 10.1177/0044118X19840965.

References

1. Gomerov, I. N. Subekt kak smyslovoe yadro politicheskoy subektnosti [The subject as the semantic core of political subjectivity]. *Razvitie territoriy* [Development of territories]. 2015, no 3, pp. 51–62.
2. Zinenko, V. E., Samsonova, T. N. Formirovanie politicheskoy subektnosti molodezhi v sovremennoy Rossii: kriterii, usloviya, problemy [Formation of political subjectivity of youth in modern Russia: criteria, conditions, problems]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2021, no. 3 (92), pp. 17–24. DOI: 10.24158/pep.2021.3.2.
3. Komarova, M. S. Uchastie molodezhi v politicheskom processe rossiyskogo obshchestva: poisk prioritetov [Participation of youth in the political process of Russian society: search for priorities]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2016, no. 2, pp. 279–282.
4. Malenkov, V. V. Grazhdansko-politicheskaya subektnost: kontseptualnyy i empiricheskiy analiz [Civil-political subjectivity: conceptual and empirical analysis]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2019, no. 5, pp. 168–178.
5. Malik, E. N., Melnikov, A. V. Stanovlenie politicheskoy subektnosti rossiyskoy molodezhi v usloviyakh sovremenosti [The formation of political subjects of the Russian youth in the context of modernity]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Middle-Russian Bulletin of social Sciences]. 2015, no. 2 (38), pp. 70–75.
6. Malik, E. N. Integratsiya rossiyskoy molodezhi v politicheskiy protsess: poisk usloviy i faktorov effektivnosti [Integration of the Russian youth in the political process: the search for the conditions and factors of efficiency]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Middle-Russian Bulletin of the social Sciences]. 2015, no. 5, pp. 100–104. DOI: 10.12737/14301.
7. Malkevich, A. A. Zarubezhnye kontseptsii politicheskoy sotsializatsii [Foreign concepts of political socialization]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)]. 2011, no. 2 (19), pp. 94–97.
8. Markova, O. A. Sovremennye tendentsii politicheskogo uchastiya molodezhi [Modern trends of political participation of youth]. *Vlast* [Power]. 2014, no. 12, pp. 39–42.
9. Melnikov, A. V. Formirovanie obshchestvenno-politicheskogo potentsiala rossiyskoy molodezhi v protsesse politicheskoy sotsializatsii [Formation of the socio-political potential of Russian youth in the process of political socialization]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Middle-Russian Bulletin of Social Sciences]. 2015, no. 5, pp. 105–109. DOI: 10.12737/14302.
10. Petukhov, V. V. Pokolenie "nulevykh": sotsialnye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie [Generation of "zero": social attitudes, ideological attitudes and political participation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. 2012, no. 4, pp. 56–62.

11. Podkhomutnikova, M. V. Politicheskaya subektnost Rossiyskoy molodezhi [Political subjectivity of Russian youth]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2013, no. 2, pp. 267–269.
12. Protestnyy potentsial rossiyskoy molodezhi. Levada-Centr [Protest potential of Russian youth. Levada Center]. Available at: <https://www.levada.ru/2015/01/21/protestnyj-potentsial-rossijskoj-molodezhi/> (accessed: 18.01.2022).
13. Samsonova, T. N. O stanovlenii politicheskoy subektnosti rossiyskoy molodezhi v protsesse politicheskoy sotsializatsii [On the formation of political subjectivity of Russian youth in the process of political socialization]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2018, no. 7 (51), pp. 18–24. DOI: 10.24158/spp.2018.7.2.
14. Fu, J. Angry youth or realistic idealist? The formation of subjectivity in online political participation of young adults in urban China. *Journal of Sociology*. 2021, no. 2 (57), pp. 412–428. DOI: 10.1177/1440783320925143.
15. Genova C. Youth activism in political squats between centri sociali and case occupate. *Societies*. 2018, no. 8 (3), pp. 77–101. DOI: 10.3390/soc8030077.
16. Kemmelmeier, M., Wilson-Daily A. E. Youth perceptions of voting participation in the midst of Catalonia's active struggle for independence. *Youth & Society*. 2021, no. 53 (1), pp. 76–103. DOI: 10.1177/0044118X19840965.

Информация об авторе

Качусов Д. А. – аспирант.

Information about the author

Kachusov D. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.